

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ТЕРРОРА

У статті зроблено спробу з'ясувати методологічні засади дослідження феномену терору. З позицій структуралізму виокремлюються сутнісні характеристики та визначається змістовний аспект терору, уточнюються підходи для розробки його типології.

Обращение к истории человечества убеждает в том, что неизбежным спутником жизни людей, с момента осознания ими себя как части сообщества, является террор. Феномен террора как явления, данного человеку в опыте чувственного познания, выступает предметом анализа для целого комплекса наук, изучающих человека как социальное существо.

Актуальность проблематики террора является непреходящей на всем протяжении жизни человечества. Достаточно открыть Ветхий завет, чтобы убедиться в использовании террора как средства достижения политических целей на примере так называемых "казней египетских". Чтобы, наконец, фараон дал согласие на исход евреев из Египта, все население (нееврейское) терроризировалось под страхом гибели всего живого, от растений и скота до смерти первенцев в каждой египетской семье, от фараона до перворожденного ребенка в семьях заключенных в тюрьмы. В реальной истории содержится немало фактов, когда с целью устрашения противника совершались не менее кровавые массовые преступления. Использование массовых форм страха и ужаса, запугивание отдельных людей и целых народов надежно удерживали первенство в арсенале методов управления властителей древности. Удержание в покорности завоеванных городов-государств семитским царем Саргоном I (2340 – 2284 г. до н.э.) – создателем первой империи в Малой Азии, вавилонским царем Хаммурапи (1728 – 1686г. до н.э.) и ассирийскими правителями (Ушшубанипал – около 668 – 629 г. до н.э.), известными переселением целых народов, устрашением жестокостью и беспощадностью добивавшихся своих целей – практика государственного управления того времени. В 88 году до н.э. по приказу понтийского царя Митридата VI в малоазиатских городах в один день ("Эфесская вечеря") были убиты более 80000 римлян (по другим данным около 150000) с единственной целью – продемонстрировать Риму свое могущество. Чем, кроме стремления внушить страх, можно объяснить приказ византийского императора Василия II, который повелел ослепить 14000 пленных болгар в 1014 году [1].

Но и в реальной истории содержится немало фактов, когда с целью устрашения противника совершались не менее кровавые массовые преступления. Ярчайшим примером террора в средние века выступает Инквизиция. Так, в "Истории испанской инквизиции" Х.-А. Льоренте (1817г.) приводятся примеры сожжения живьем в 1481 году по приказу севильского трибунала более двух тысяч человек, а во времена Второго и Третьего главных инквизиторов ежегодно сжигается живьем по 208 человек. Если учесть, что инквизиторов в Испании насчитывалось 44, можно представить масштабы проводившегося террора на религиозной основе. А если учесть, что кроме сожжения живьем применялись и другие формы наказаний, то следует согласиться с автором "Истории испанской инквизиции" по поводу его выводов относительно количества всех жертв террора инквизиции: "Если бы я присоединил к числу жертв инквизиции ... всех несчастных, которые были осуждены трибуналами Мексики, Лимы, ... Сицилии, Орана, Мальты и морских галер, количество их было бы поистине неисчислимо... Сколько можно бы еще счесть жертв, умерших от болезней, причиненных несчастием позора, которым были клеймены их родственники. Невозможно определить меру стольких несчастий и бед" [2:467].

Использование массовых форм страха и ужаса, запугивание отдельных людей и целых народов надежно удерживали первенство в арсенале методов управления властителей древности.

Классикой террора как центрального элемента системы власти называют режим установленный новым революционным государством (1793 - 1794 годы) в ходе Великой французской революции. Итогом стали 40000 казненных с помощью гильотины, а по иронии судьбы там же окончил жизнь и лидер революционного движения – Робеспьер. Террор в начале выступал как инструмент укрепления революционной власти, а позже приобрел системный характер для обеспечения нового порядка.

Террор являлся такой формой социального поведения, в целом, и управления, в частности, которая предполагает достижение поставленных целей и задач посредством внушения ужаса оппоненту, объекту управленческих усилий. Его сущность, с точки зрения психологии, заключается в достижении такого психического состояния управляемых, при котором обеспечивается их безоговорочное подчинение. При этом, сформированные реакции страха становятся относительно устойчивыми и сохраняются в условиях жизнедеятельности человека длительный период, обеспечивая проявление определенных стереотипов поведения в обществе.

Использование буквального перевода с латинского *terror* – страх, ужас, дает основание для дальнейшего развития представлений о сущности террора. Использование массовых форм страха и ужаса, запугивание отдельных людей и целых народов надежно удерживали первенство в арсенале методов управления властителей древности. Сегодня же мы становимся свидетелями, иногда, к сожалению, и участниками террористического бума, а террор стал наиболее применимой в социальной практике формой взаимоотношений как между отдельными людьми, так и между целыми народами. Все отмеченное вполне убеждает в актуальности проблемы террора, в целом, и в необходимости уточнения теоретических основ его анализа как социального феномена.

Постановка проблемы. Множественность фактов террора выступает достаточным основанием для социологического анализа, в ходе которого следует ставить вопрос о попытке создания социологической концепции террора. Кроме того, распространенность фактов террора и их многообразие выступает базой для существенных затруднений при определении собственно понятия "террор". Причина многообразия подходов заключается в том, что в различное время при определении его содержания акцент делался на разные аспекты. Приобретение исключительно политической окраски, в связи со стремлением к захвату власти или ее удержанием в интересах политического режима, сменялось революционно-романтическими моментами в содержании террора в понимании российских народовольцев, которым на смену приходил "красный террор" в ответ на "белый террор", что было созвучно классике террора времен Великой французской революции. В свою очередь, им на смену приходили идеи "социальной гигиены" (по Муссолини), которые заменялись антиподом – допущением терроризма как орудия национально-освободительных движений середины XX века. В наши дни, в контексте глобализационных процессов, приобретение характера международного жандармского террора в исполнении супердержавы – США – в отношении всех, кто не соответствует предъявляемым ими требованиям. Еще одной специфической чертой современного нам террора следует отметить приобретение им характеристик инструмента борьбы как за мировое господство, в формате процессов глобализации, так и против попыток его установления.

Анализ публикаций по проблеме. По мнению исследователей, разночтения при анализе феномена и определении понятия "террор" возникают из-за отсутствия эффективного методологического аппарата. Утверждается, что традиционная социология, связанная с именами М.Вебера, Г.Зиммеля, В.Парето, Т.Парсонса, не может быть теоретической базой для исследования террора. Не могут выступать в этом качестве также "интерпретирующая социология", бихевиоризм, функционализм. Выход – в пересмотре основных полаганий относительно человеческого действия как такового, и в попытке рассматривать первичность бытия не в последовательности: представления – мотив – причина действия, а наоборот [3:272]. Вместе с тем, думается, что традиционный подход себя еще не исчерпал. Попытка, достаточно удачная, поиска теоретических оснований для пояснения первостепенности террора представлена в работах Брюса Хофмана [4]. Содержание и смысл современных проявлений террора рассматривается в работах В.Шестакова [5]. История террора и классификация террористической практики в жизни современного общества представлена в публикациях Е.Кожушко, К. Жаринова, М. Требина [6]. Важный для формирования методологической платформы исследования террора, аспект выделяется в связи с изучением этого феномена в контексте глобализационных процессов [7].

Цели исследования. Вместе с тем, на сегодня не существует теоретической основы, специально разработанной для обеспечения решения задач, связанных с исследованием террора как феномена социальной жизни. Именно это представляется в качестве главной цели данной публикации, а задачами, последовательное решение которых приведет к ее достижению, должны стать: выделение сущностных характеристик феномена террора, определение его содержательного аспекта на основе структуралистической модели исследования, уточнения некоторых типологических вопросов, формулирования определения террора и начала операционального анализа в связи с этим.

Основное содержание. Понимание *террора* как социальной практики, реализуемой определенными членами общества (социальной группы) в политической, экономической, информационной, бытовой и других сферах, с целью ограничения возможностей других членов социума в реализации основных витальных и социальных потребностей, составляющих как общественную, так и индивидуальную жизнь человека, путем устрашения, психологического подавления оппонентов насильственными мерами, вызывающими страх и ужас, сообщает новый импульс для исследований.

Постановка во главу угла признания главного права человека – права на жизнь (в том числе общественную), ее самооценности в русле прагматического – витального подхода делает возможным анализ террора с позиций ранее не рассматривавшихся как исходные. Если есть угроза или главное право человека ущемляется через создание условий, вызывающих у него страх – вот главный критерий для выявления социального феномена террора. Возникающая на основе присвоения идеи террора система взглядов, обосновывающая его применение в социальной практике, может быть определена как терроризм. Реализация таких взглядов может осуществляться в формате различных идеологических схем. Терроризм как социальное явление присутствует в содержании целого ряда идеологических систем. К ним следует относить национализм, анархизм, троцкизм, маоизм и некоторые другие, что дает основание говорить о терроризме как идейной доктрине, своего рода квазиидеологии.

Исходным моментом в появлении террора как реальности жизни социума выступает признание допустимым применение насилия как средства для социальных действий при достаточно четкой идентификации тех, кто применяет его, и тех, против кого насилие направляется. Единичным фактом применения насилия с целью ограничения реализации важнейших жизненных прав человека, в том числе и как существа общественного – является террористический акт. Такие акты могут быть обособлены как средство для достижения отдельно поставленных, конкретных целей, имеющих тактические свойства, но одновременно они могут быть и частью программы более широкого характера, ориентированной на достижение стратегических рубежей.

Неудовлетворенность существующей системой управления распределением благ и субъективной социальной перспективой составляет мотив террора.

Целью, в таком случае, становится объективное расширение имеющихся социальных перспектив и возможностей при ограничении витальных и социальных возможностей других.

Субъектом являются четко обозначенные – "мы", "свои", "наши", а объектом – однозначно идентифицируемые – "они", "чужие", "другие".

В случае, если субъектом террора признается возможность применения к этим "другим" насилия как средства, то результатом становится подавление оппонента в его стремлении реализовать свои главные жизненные права и создание благоприятных условий для достижения поставленных целей субъектом. Вот самая приблизительная структура деятельности, в основу которой положена идея террора. Но она дает возможность широкого понимания террора как феномена общественной жизни, и как явления в жизни отдельного, конкретного человека.

Декларирование структурализма как методологической базы для анализа феномена террора зиждется на экстраполяции достижений структурной лингвистики на социальные науки, что нашло свое выражение в началах культурной антропологии. Структурные модели присущи также для таких методологических платформ, как психоанализ и марксизм [8]. Именно в этих методологических схемах находят объяснения отношения, возникающие между людьми, носящие инвариантный, универсальный характер. Данные отношения занимают место, в том числе и за наблюдаемой эпифеноменальной реальностью человеческого бытия, человеческой практики, освещенной сознанием. В этом контексте основными принципами в рамках структуралистского подхода могут быть:

- объяснение такого социального явления как террор в виде сложно организованной системы отношений возможно только тогда, когда каждый отдельно взятый элемент должен быть соотнесен с другими ее элементами;
- террористическая практика всегда предполагает ее рассмотрение как систему знаков, дешифровка которого ведет к пониманию глубинных причин ее вызывающих. По внешним проявлениям террора следует судить о его внутренней ориентации. Такая связь внешней и внутренней сторон является предпосылкой не только для понимания сущности и истинных целей террора, но и для планирования антитеррористической деятельности;
- как общие, так и частные элементы структуры террора должны анализироваться независимо от исторических и частных контекстов обусловивших их проявление;
- общность в проявлениях террора как социальной практики создает благоприятные условия для их взаимных трансформаций на основе самых многообразных коммуникаций.

Наиболее близкой социологической версией структурализма, по своему смыслу, в попытках найти методологическую модель для исследования террора как социального феномена, может считаться структурная теория П. Блау [9]. В соответствии со взглядами Блау на содержание и вариативность моделей социального обмена существенное влияние оказывают структурные ограничения и неопределенность как прибыли, так и издержек. Основой же для возникновения связей между людьми выступает стремление взаимодействовать с другим человеком с целью получения неких эквивалентов внешнего признака благополучия (деньги, услуги, власть и т.д.). В случае невозможности такого эквивалентного обмена появляется альтернатива, отказавшись от взаимодействия, либо предоставить другому ("другим", "чужим", "им") кредит власти, либо воспользоваться таким кредитом в интересах собственных ("своих", "наших"). В результате одного из вариантов выбора возникают отношения власти и неравенства, которые могут приводить к возникновению социальной структуры, основанной на идее террора или допускающей ее реализацию в отдельных сферах жизнедеятельности человека.

Типологический профиль террора может быть определен как совокупность оценок, полученных по ряду шкал, которые образуются в пересечении двух основных координат. Прежде всего, это сферы и степень организованности террора как насилия, а также показателя массовости такой социальной практики. Близкий, по сущности, подход предложен Д.В. Ольшанским [10]. Содержательно он должен дополняться векторами, обозначающими различные сферы применения террора: политический, экономический, экологический, бытовой, информационно-технологический, национальный, религиозный. Возможно так же расширение представлений о сферах его применения. Важным представляется вычленение формы организации насилия: от спонтанного до организованного, с выделением в них разновидностей насилия от вооруженного, психологического до элементарной угрозы физической расправы. Такой подход дает возможность признать структуралистский подход плодотворным и эффективным.

С учетом выделения в проблеме управленческого аспекта становится возможной попытка анализа террора как социального феномена и в формате концепции социально-адекватного менеджмента [11]. Такой анализ, в соответствии с логикой данной концептуальной схемы, необходимо осуществлять с учетом дифференциации управления на различных уровнях. Так, макроуровень социально-адекватного менеджмента предполагает управление обществом, разнообразными сферами его деятельности. Среди критериев социальной адекватности менеджмента, на этом уровне, особое место занимает способность устанавливать и поддерживать такой социальный порядок, который обеспечивает нормальное существование общественного организма и является частью гуманистически ориентированного мирового порядка.

Признание самоценности и верховенства человеческих возможностей отрицает возможность появления террора. Такие возможности появляются как реакция на неравенство людей в витальной и социальной сферах. Это институционализировано в виде расизма, социальных иерархий, различной продолжительности жизни и несовпадающих механизмов распределения жизненных сил; области распределения ресурсов в виде уже сложившихся моделей раздела ценностей в данной социальной системе. Эта реальность жизни вынуждает челове-

ка избирать алгоритмы поведения, нивелирующие последствия объективного неравенства в порядке социальной жизни. Переход к порядку, устанавливаемому для перехода к рыночной социально ориентированной экономике, призван обеспечивать:

- гарантии физической и психической составляющей существования для каждого члена общества, а также равенство граждан в культурно-информационном, конфессиональном и правовом аспектах; создание эффективной системы мотивации труда и стимулирование деловой активности во всех сферах экономики;
- устойчиво высокие темпы роста в производственной сфере на базе своевременного технологического совершенствования.
- беспрепятственное развитие национальной культуры в условиях многонационального государства, сохранение традиционных ценностей и гарантии от духовной деградации;
- развитие и поддержку гражданской солидарности как условия эффективного функционирования системы социальной защиты.

Модель социально-адекватного управления, ориентированная в будущее на основе баланса витальных и социальных компонентов системы ценностей; адаптированная к функционированию в социальной системе; направляющая вектор управленческих влияний преимущественно в горизонтальной плоскости самоорганизационных процессов и выступающая инструментом согласования управленческих усилий по уровням, призвана реализовать такой порядок на макроуровне социальных отношений.

Выводы. Таким образом, структурализм может стать методологическим подходом для создания достаточно стройной теоретической базы исследования феномена террора. Его дальнейшее развитие должно стать предпосылкой для создания социологической теории террора. Но, разумеется, главное предназначение данной модели состоит в том, чтобы обеспечить предупреждение и преодоление синдрома неадекватности социального управления, в той или иной форме продуцирующего феномен террора. А для решения этой задачи представляется возможным использование концептуальной модели социально-адекватного менеджмента.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ ТА ЛІТЕРАТУРИ

1. История человечества. – М.: Издательство АСТ, 2002. – 640 с.
 2. Льюренте Х.А. История испанской инквизиции / Пер. с фр. В 2т. - Т.1, Т.2. – М.: Ладомир, ООО "Издательство АСТ", 1999. – 1424 с.
 3. Никитаев В. Терроризм (1). Тело террора (2)//Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста: Сб.–М.: ООО "Издательство АСТ: ЗАО НПП "Ермак", 2004. – 348 с.
 4. Хофман Брюс. Терроризм – взгляд изнутри. – М.: Ультра. Культура, 2003 – 264 с.
 5. Шестаков В. Террор – мировая война. – М.: ОЛМА – ПРЕСС Образование, 2003. – 320 с.
 6. Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений/Под общ. ред. А.Е. Тараса. Мн.: Харвест, 2000. – 448 с; Требин М.П. Терроризм в XXI веке . – Мн.: Харвест, 2003. – 816 с; Жаринов К.В. Терроризм и террористы: Ист. справочник / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – Мн.: Харвест, 1999. – 606 с.
 7. С.Л. Удовик. Глобализация: семиотические подходы. – М.: "Рефл – бук", К.: Ваклер, 2002. – 480 с; Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2002. – 254 с; Кочетов Э.Г. Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание: Новый ренессанс – истоки и принципы его построения, фундаментальные опоры, теоретический и методологический каркас. – М.: ОАО Издательская группа "Прогресс", 2001. – 704 с.
 9. Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. (Библиотека серии "Специализированные курсы в социологическом исследовании"). – М.: ТЕМПУС, 1996. – С.63 – 74.
 10. Blau P. Inequality and Heterogeneity: A Primitive Theory of Social Structure. New York: Free Press, 1977.
 11. Ольшанский Д. Психология терроризма. – СПб.: Питер, 2002. – 288 с.
 12. Бурега В. Социально-адекватный менеджмент. Монография. – К.: Ин-т социологии НАН Украины, 2000. – 379 с.
- Матеріал надійшов до редакції 3.09.2004 р.

Бурега В.В. Методология исследования феномена террора.

В статье предпринята попытка уяснения методологических основ исследования феномена террора. С позиций структурализма выделены существенные характеристики террора, определен его содержательный аспект и уточнены подходы для создания типологии.

Burega V.V. Methodology of research of terror phenomenon.

The attempt of finding out methodological basis of research of the phenomenon of terror has been made. The essential characteristics of terror are distinguished on the basis of structuralism. Its content aspect is determined, and the approaches to creation of typology are specified.